

УДК 328.12-055.2

*Д.Б. Вершинина, Е.С. Бурмистрова***ЖЕНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

В статье поднимаются теоретические вопросы значимости женского представительства в национальных парламентах в контексте стратегии достижения гендерного паритета в политике. Опираясь на теории репрезентации Х. Питкин, авторы размышляют о том, какую роль в продвижении ориентированной на женщин политике играет их представительство в законодательных органах, а также обращают внимание на кросснациональные особенности продвижения женщин в политику. В центре внимания в историческом очерке эволюции женского представительства в парламентах такие страны, как Великобритания, СССР, Ирландия, США, ОАЭ и др. Авторы обращают внимание на концепцию «государства, дружественного женщинам», сформулированную в скандинавских странах, и экстраполируют ее на теоретические размышления о значимости представительства женщин в парламентах других стран. Авторы демонстрируют разницу между дескриптивным и содержательным типами репрезентации на примере представительства женщин и анализируют теорию «критической массы», которая традиционно используется исследователями при разговоре о представительстве миноритарных групп в политике.

Ключевые слова: женское представительство, гендер, гендерное равенство, дескриптивная репрезентация, содержательная репрезентация, парламентаризм.

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-3-375-382

Ссылка на статью:

Вершинина Д.Б., Бурмистрова Е.С. Женское политическое представительство: теоретические и исторические аспекты // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, вып. 3. С. 375–382. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-3-375-382>

Введение

Представительство женщин в политике – один из основных показателей достижения гендерного равенства, если следовать принципам Совета Европы, среди которых – уровень представленности женщин в национальных парламентах. Многие авторы отмечают, что участие женщин в политической жизни коррелирует с вопросом человеческого развития: «...страны с более высоким уровнем человеческого развития, вероятно, имеют низкий уровень участия женщин в политической жизни» [1].

Между тем согласно статистике, приводимой Межпарламентским союзом, в 2021 г., только 26,1 % парламентариев в мире были женского пола, и только в пяти странах мира женщины составляют 50 % или более в представительных органах власти национального уровня (Мексика, Никарагуа, Руанда, ОАЭ и Куба) [2]. Приведенная статистика позволяет представителям виднейших международных организаций говорить о недостаточной представленности женщин на всех уровнях процесса принятия политических решений и об отдаленности достижения цели гендерного паритета в общемировом масштабе. Внимание ООН, Европейского союза и других международных организаций к проблемам представительства женщин в национальной и локальной политике активизирует попытки обосновать значимость женского голоса в политике, которые впервые были предприняты еще на рубеже XIX и XX вв., когда женское движение сосредоточилось на задаче получения женщинами активного и пассивного избирательного права. От утверждений британского премьер-министра второй половины XIX в. Уильяма Гладстона о том, что «включение слабого пола в политическую суматоху осквернит их природную скромность, нарушит их деликатность, чистоту, изысканность и возвышенность всей их натуры» [3], в течение XX в. многие передовые страны не просто пришли к принятию возможности политической карьеры женщины, но и реализовали идею женского политического лидерства. Проблема женского участия в политике также стала одной из активно изучаемых в исторической и политической науках, а расширение женского представительства на современном этапе позволяет перейти от анализа конкретно-исторических обстоятельств прихода женщин в политику к широким теоретико-методологическим исследованиям женского политического представительства.

Женское представительство в политике: теоретико-методологические основания анализа

Традиционная политическая культура, в рамках которой женщины рассматривались лишь как объект политики, приводила не только к их отсутствию в политических институтах. Как отмечает белорусский историк И.Р. Чикалова, «устранение женщин на протяжении столетий из публичной жизни и властных сфер имело следствием практически полное игнорирование их в политической теории» [4, с. 82]. С античных времен утверждалось, что биологические особенности женского организма не позволяют слабому полу участвовать во властных структурах, поскольку у них отсутствуют качества, необходимые для политической и гражданской активности.

Однако политическая и – еще важнее – общественная активность женщин в XX столетии не просто поставила вопрос о необходимости представленности женщин в политике, но и сделала эту задачу одной из приоритетных для всех международных организаций, а также для большинства современных партий. Так, в аналитическом отчете Совета Европы 2016 г. утверждалось, что степень представленности женщин в политической жизни является «ключевым показателем гендерного равенства и полного осуществления женщинами прав человека и в то же время условием гендерного равенства, социальной справедливости и истинной демократии» [5].

Еще в 1967 г. американская исследовательница Ханна Питкин выпустила работу «Концепция репрезентации», в которой обратила внимание на значимость представительства любой группы общества в законодательных и исполнительных органах власти как возможность заявить о своем существовании и добиться реализации политики в своих интересах [6, р. 8-9]. Питкин при этом разделила репрезентацию на дескриптивную и содержательную, подразумевая под первой количественные показатели представленности группы в политике, а под второй – характеристики тех, кто представляет группу, к примеру, в национальном парламенте. В дальнейшем именно вопрос о том, как связаны между собой выделенные Питкин дескриптивная и содержательная репрезентации, или о том, насколько на самом деле представляют интересы конкретной социальной группы депутаты, обладающие теми же характеристиками, что и их избиратели, стал центральным поводом для дискуссий в феминистски ориентированных и более широких политологических текстах.

Осмысление значимости дескриптивного представительства женщин было результатом начавшегося еще в XIX в. спора о том, что именно лежит в основе требования равного представительства полов в политических институтах: если часть феминисток заявляла о том, что женщины ничем принципиально не отличаются от мужчин и должны находиться в парламенте как раз в силу отсутствия принципиальной разницы между полами, то другие, напротив, отмечали, что женщины привносят в политику нечто отличное от мужского опыта и на этом основании не могут быть корректно представлены мужчинами-депутатами. Таким образом, исследователи и активистки стали осознавать значимость количественного роста числа женщин-депутатов в парламентах и формулировать идею о необходимости достижения определенного порога в дескриптивном представительстве женщин (равно как и другой маргинализируемой группы). Подобные требования традиционно связывают с теорией «критической массы», в соответствии с которой группа сможет заявлять о себе, лишь добившись существенного количественного представительства в законодательных органах и политике в целом. Опорными текстами для развития этой теории стали работы Розабет Мосс Кантер [7; 8] и Друд Далеруп [9], в которых был обозначен порог в 30 % парламентариев как критерий достижения «критической массы».

Критики дескриптивного представительства отмечают, что невозможно радикально трансформировать государственную/региональную/локальную политику по достижении определенного процента представленности той или иной группы. Так, британские исследовательницы С. Чайлдз и М. Крук прямо заявляют: «...предположения о том, что существует линейная взаимосвязь между числом (женщин в парламенте - Е.Б., Д.В.) и результатами, а также о том, что есть точный переломный момент, после которого происходят изменения в пользу женщин, не выдерживают критики» [10, р. 126]. К примеру, значимые изменения могут быть достигнуты и тогда, когда в парламенте находится лишь небольшое количество женщин, но их влияние значимо настолько, что они способствуют изменению политики, как, например, произошло в США 1970-х гг. [11].

Вместо акцента на критическом количестве депутатов женского пола многие авторы сосредотачиваются на анализе факторов, которые могут помешать женщинам даже в относительно сбалансированном представительном органе продвигать политические меры в интересах женского пола: среди них называют партийную политику, институциональные нормы, недостаток законодательного опыта

у представителей меньшинств, электоральные системы и многое другое. Другими словами, важно не только количество женщин в парламенте, но и то, в каких политических обстоятельствах они действуют, а также какие взгляды они разделяют. Безусловно, женщинам сложнее продвинуть собственную повестку, когда они в абсолютном меньшинстве в представительном органе, но история XX в. показывает немало примеров, усложняющих картину и свидетельствующих о том, что само по себе попадание женщин в парламент не гарантирует готовность этих женщин защищать интересы других женщин: так, в Ирландии 1920-1930-х гг. немногочисленные депутаты женского пола голосовали за консервативные реформы, которые к концу 1930-х гг. превратили молодую республику в одно из наиболее патриархальных государств западного мира, в Британии данные о гендерном разрыве в голосовании демонстрируют большую консервативность женщин третьего возраста, в то время как более молодые представительницы женского пола чаще, чем их сверстники-мужчины поддерживают левые партии [12].

Впрочем, опыт стран Северной Европы, описанный впервые еще Хельгой М. Хернес в работе 1987 г., говорит о значимости количественных показателей представленности женщин в парламентах: чем выше доля женщин-парламентариев, тем более активная социальная политика, дружественная женщинам, проводится в государстве [13]. Таким образом, анализ того, насколько женщины представлены в национальном парламенте, дает возможность определить готовность государства проводить политику в интересах женщин, к примеру, принимать решения в сфере репродуктивной политики, борьбы с домашним насилием и т. д.

Эволюция женского представительства как политическая проблема XX - начала XXI веков

Являясь центральной задачей феминизма первой волны, который развивался начиная с 1840-х гг. в ряде стран Запада, политическое участие женщин уже ко второй половине XX в. стало восприниматься феминистками новой волны как более проблематизированное явление: в женском освободительном движении 1960-х гг. популярным становится радикальное крыло феминизма, представительницы которого критически оценивали саму идею кооперации женщин с такими мужскими по своей природе институтами, как политические партии или парламентские органы. Радикальные феминистки 1960-х гг. отмечали, что основной проблемой предшествовавшего им движения суфражисток была готовность вступать в «политически сомнительные союзы» для его защиты. Все чаще звучали высказывания о том, что «как только голоса были получены, женщины не попытались использовать их для более широких социальных изменений» [14, р. 39]. Действительно, к середине 1980-х гг. статистические данные о влиянии права голоса, предоставленного женщинам, на то, как они голосуют и как проявляют себя в национальной политике, едва ли были утешительны для тех, кто полагал, что женское представительство в политике – ключ к гендерному равенству. Однако в 1980-е гг., с преодолением доминирования сепаратистской позиции в женском движении, популярность стала набирать идея внедрения феминистски ориентированных политиков в партийные ряды с целью трансформации как образа партии, так и ее повестки в национальных парламентах.

Участие женщин в политике и представительных (а тем более исполнительных) органах власти – это вызов устоявшимся стереотипам о женском и мужском предназначении. Биограф первой женщины в британском парламенте Нэнси Астор пишет о ее «невероятном мужестве, необходимом, чтобы противостоять враждебности - мелочной, упорной и часто злобной со стороны ее коллег по Палате общин. Враждебность исходила в основном от ее собственной партии. Среди консерваторов был негласный консенсус по поводу того, что женщина-депутат по своей природе не права. Идея состояла в том, чтобы охладить ее пыл, добиться максимального смущения и унижения и таким образом убедить избирательные округа не выбирать других женщин-кандидатов. Консерваторы, которых она так хорошо знала, отвернулись от нее» [15, р. 323].

Почти через сто лет после Астор в британском парламенте как институте мало что изменилось: в 2017 г. разгорелся крупный Вестминстерский скандал, когда выяснилось, что в обеих палатах распространённой практикой были буллинг и сексуальные домогательства. Отголоски конфликта слышны и по сей день: так, осенью 2021 г. было заявлено, что новые парламентарии отныне обязаны проходить курс по предотвращению харассмента в течение первого года работы в Вестминстере (а давно сидящие на своих местах члены парламента должны проходить курс раз в три года) [16]. Аналогичные случаи, связанные с домогательствами, высокомерными и сексистскими фразами, отказом воспринимать женщин-парламентариев как равноправных коллег, фиксируются и в других парламентах

[17]. Одной из наиболее громких историй было выступление Александры Окасио-Кортес, члена Палаты представителей США с 2019 г., в ответ на грубые комментарии республиканца Теда Йохо в ее адрес [18].

Таким образом, несмотря на увеличение представительства женщин (и других меньшинств), представительные учреждения зачастую продолжают оставаться закрытыми элитарными клубами с ограниченным доступом, или, как пишут исследователи о британской Палате общин, – «клубами пожилых мальчиков» (old boys' clubs). В таких обстоятельствах количественный критерий оказывается значимым, поскольку чем меньше женщин в парламенте, тем меньше у них шансов изменить политическую культуру, процветающую в представительном учреждении. Отсюда приверженность многих левых партий (начиная с 1980-х гг.) идее гендерного квотирования, которое, с их точки зрения, может исправить ситуацию с представленностью женского пола в парламенте и, как результат, в национальной политике. При этом, по мнению авторов, позиция партий по вопросу продвижения женщин в политику может играть более значимую роль, чем уровень развития женского движения в стране: во Франции и Уганде, характеризующихся слабым уровнем развития женского движения, в местных органах власти представлено большое количество женщин, а Индия и США, где женское движение развито в высокой степени, характеризуются низким уровнем представленности женщин в политике [19, р. 3].

Интересно, что существенно раньше к идее гендерного квотирования в XX в. пришли социалистические страны во главе с СССР: так, исследования участия женщин в партийных органах, проведенные социологом Галиной Силласте, демонстрируют, что со сталинских времен негласная квота предполагала строгое распределение мест по признаку пола (кроме ЦК и Политбюро): «... твердо выдерживалось неписаное правило: число женщин на руководящей партийной работе должно было соответствовать (примерно) их удельному весу в партии (в 1990 году –30,2 %). Таким и было реальное положение дел: в том же 1990 году среди секретарей первичных партийных организаций на долю женщин приходилось 34 %» [20, с. 114-115]. Впрочем, интеграция женщин в партийные механизмы и институты должно было продемонстрировать решенность женского вопроса в стране, однако в реальности деятельность женщин-депутатов советского периода едва ли позволяет говорить о дескриптивной, а тем более содержательной репрезентации женщин в политике. Об этом же писала М. Молинье, обращая внимание на существенное количество женщин, включенных в политический процесс в социалистических странах в периоды, когда независимая деятельность женского гражданского общества подавлялась при однопартийных правительствах [21]. Ю. Градскова отмечает, что «система «политического равноправия мужчин и женщин» в ее советском варианте характеризовалась прежде всего отсутствием женщин как коллективного актора - действующего субъекта, привносящего в политику свою субъектность и защищающего свои интересы», и важно отметить влияние этого феномена на восприятие женщины-политика и в современной России [22]. Так, сравнивая пути попадания женщин в политику Франции и России, Н.Ю. Лапина отмечает, что «несформированность в современной России институциональных механизмов продвижения женщин в политику и власть приводит к тому, что российские женщины чаще «следуют» за ситуацией, а их попадание во власть – результат стечения благоприятных обстоятельств, а не продуманной карьерной стратегии» [23]. Кроме того, женщины-политики в современной России не стремятся позиционировать себя как представительницы женского пола, не поднимают вопросы гендерного равенства, часто высказываются в защиту патриархальных ценностей, следуя за политическим курсом страны и проявляя лояльность по отношению к продвинувшим их мужчинам-политикам.

В отличие от России, и западные, и незападные демократии нацелены в современном мире на расширение женского представительства. Исследователи отмечают, что для признания в качестве значимого игрока на мировом рынке требуется искренняя приверженность построению устойчивого общества, что обязательно требует просвещенной политики в отношении положения женщин во всех слоях общества [24]. К примеру, правительство ОАЭ открыто заявляет о первостепенном значении гендерного равенства, что закреплено и в Конституции, гарантирующей женщинам равный с мужчинами правовой статус. В рамках укрепления своей позиции лидера по показателям гендерного равенства в регионе с 2019 г. указом Президента ОАЭ была установлена обязательная квота при выборах и назначении депутатов в Федеральный национальный совет в 50 %. Такая политика, в первую очередь, связана с тем, что основной целью ОАЭ – страны, характеризующейся влиянием иностранного капитала и большим присутствием экспатриантов, – является соответствие европейским «стандар-

там» для расширения международного сотрудничества. В русле этой тенденции правительство ОАЭ стремится расширить женские права, однако «на самом деле они не заходят достаточно далеко, чтобы ликвидировать глубокую дискриминацию в отношении женщин в законодательстве и на практике» [25].

Заключение

Еще в конце 1980-х гг., исследуя политическую культуру различных стран, Г. Алмонд и С. Верба утверждали, что «политически компетентная, осведомленная и активная женщина выглядит существенным компонентом гражданской культуры» [26, с. 440], и можно лишь предполагать, какие последствия за собой привнесет «вживание» женщин в политику. В начале XXI в. участие женщин в политическом процессе стало распространенным явлением и требует анализа не только количественных, но и качественных параметров женского представительства.

С одной стороны, увеличение доли женщин-парламентариев действительно меняет направленность национальной политики, что, судя по всему, осознается политическими лидерами во многих странах мира; с другой, женщины-политики продолжают сталкиваться с трудностями на своем пути вхождения в национальную политику. К примеру, в 2009 г. в ирландском парламентском отчете «Женское участие в политике» были выделены ключевые препятствия для роста политического представительства женщин, которые являются универсальными, независимо от национальных или региональных характеристик: финансы (женщины имеют меньший доступ к денежным ресурсам и могут потратить меньше средств на избирательные кампании), представления о роли женщин в воспитании детей (уход за детьми останавливает женщин от участия в политике), вера в собственные возможности (женщины не уверены в своей победе на выборах и не баллотируются), общественные установки (даже левые партии больше ориентированы на мужчин) и процедуры отбора кандидатов (нацелены на мужчин, а не на женщин) [27, р. 11].

Цели ООН в области устойчивого развития между тем подталкивают страны мира стремиться к гендерному паритету, поскольку в качестве одной из задач ведущая международная организация заявляет необходимость «обеспечить всестороннее и реальное участие женщин и равные для них возможности для лидерства на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни» [28]. Этого невозможно добиться без стремления к увеличению количественного и качественного политического представительства женщин на всех уровнях: от должности главы государства до участия в деятельности органов местного самоуправления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mlambo C., Kapingura F. Factors influencing women political participation: The case of the SADC region // *Cogent Social Sciences*. 2019. Vol. 5, iss.1.
2. New IPU report: more women in parliament and more countries with gender parity // *Inter-Parliamentary Union*. 2022, 3 March. URL: <https://www.ipu.org/news/press-releases/2022-03/new-ipu-report-more-women-in-parliament-and-more-countries-with-gender-parity#:~:text=The%20global%20proportion%20of%20women,in%20Parliament%20in%202021%20report> (дата обращения: 28.07.2022).
3. Gladstone W.E. *Female Suffrage: a Letter to Samuel Smith*. 1892. // *HathiTrust. Digital Library*. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uiuo.ark:/13960/t6xw4s56z&view=1up&seq=5> (дата обращения: 28.07.2022).
4. Чикалова И.Р. Гендерная проблематика в политических науках // *Введение в гендерные исследования*. Часть 1. Харьков; СПб., 2001. 80 с.
5. *Balanced participation of women and men in decision-making. Analytical report - 2016 data* // *Gender Equality Commission*. 2016. URL: <https://rm.coe.int/analytical-report-data-2016-/1680751a3e> (дата обращения: 28.07.2022).
6. Pitkin H.F. *The concept of representation*. Berkeley: University of California Press, 1972. (Беркли, это город, где находится данное издательство, год выпуска книги пишем через запятую). 330 p.
7. Kanter R.M. Some effects of proportions on group life // *The gender gap in psychotherapy* ed. by P.P. Rieker, E.H. Carmen. Boston, MA: Springer, 1984. Pp. 53-78.
8. Kanter R.M. *Men and women of the corporation*. NY: Basic Books, 1977. 390 p.
9. Dahlerup D. From a small to a large minority: Women in Scandinavian politics // *Scandinavian Political Studies*. 1988. Vol. 11, iss. 4. Pp. 275-298.
10. Childs S., Krook M.L. *Analysing women's substantive representation: From critical mass to critical actors* // *Government and opposition*. 2009. Vol. 44, iss. 2. Pp. 125-145.

11. Childs S., Krook M.L. Critical mass theory and women's political representation // *Political studies*. 2008. Vol. 56, no. 3. Pp. 725–736.
12. Norris P. A gender-generation gap? // *Critical Elections: British Parties and Voters in Long-Term Perspective*. 1999. Pp. 743–58.
13. Hernes H. Welfare state and woman power: Essays in state feminism // (Тут не нужно скобочки, так как идет название изд-ва, и год выпуска, но неверный был. Ставим точку вместо двух косых черт.) Oxford: Oxford University Press, 1988. 176 p.
14. Nachescu V. Radical feminism and the nation: History and space in the political imagination of second-wave feminism // *Journal for the Study of Radicalism*. 2009. Vol. 3.1. Pp. 29–59.
15. Fox J. *The Langhorne Sisters*. London: Granta Books, 1998. 578 p.
16. Wolf M. Newly elected MPs must take sexual harassment course by end of year: HoC // *Global News*. 15.09.2021. URL: <https://globalnews.ca/news/8193670/sexual-harassment-course-house-of-commons/> (дата обращения: 28.07.2022).
17. McGing C. Dealing with everyday sexism in Leinster House // *Raidió Teilifís Éireann*. 20.11.2018. URL: <https://www.rte.ie/brainstorm/2018/1120/1012074-leinster-house/> (дата обращения: 28.07.2022).
18. AOC slams Ted Yoho's explanation of foul-mouthed confrontation // *Youtube*. 23.07.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_dzqrdHVE2g (дата обращения: 28.07.2022).
19. Goetz A.M. Paper commissioned for the EFA Global Monitoring Report 2003/4. *The Leap to Equality*. 2004.
20. Силласте Г.Г. Женские элиты в России и их особенности // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 112–121.
21. Molyneux M. *Women's Rights and the International Context: Some Reflections on the Post-Communist States I* // *Millennium*. 1994. Т. 23. № 2. Pp. 287–313.
22. Градскова Ю.В. «Обычная» советская женщина-обзор описаний идентичности. М.: Sputnik+, 1991.
23. Лапина Н.Ю. Феминизация политической элиты: изучение проблемы в рамках компаративного исследования // *Pro punc. Современные политические процессы*. 2009. № 1 (9). С. 96–125.
24. Hesketh A., Williams J.B. Public policy on gender equality in the United Arab Emirates: a critical appraisal. 2021.
25. Human Rights Watch Submission to the Committee on the Elimination of Discrimination against Women on the United Arab Emirates // *Human Rights Watch*. 04.03.2021. URL: www.hrw.org/news/2021/03/04/human-rights-watch-submission-committee-elimination-discrimination-against-women (дата обращения: 28.07.2022).
26. Алмонд Г., Верба С. *Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах*. М.: Мысль, 2020. 502 с.
27. *Women's Participation in Politics*. Joint Committee on Justice, Equality Defence and Women's Rights. Second Report. October 2009. URL: https://data.oireachtas.ie/ie/oireachtas/committee/dail/32/joint_committee_on_justice_and_equality/reports/2009/2009-11-05_women-s-participation-in-politics_en.pdf (дата обращения: 28.07.2022).
28. Цель 5: Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality/> (дата обращения: 28.07.2022).

Поступила в редакцию 10.08.2022

Бурмистрова Екатерина Сергеевна, ассистент кафедры истории и археологии
E-mail: burmi-k@yandex.ru

Вершинина Дарья Борисовна, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и археологии
E-mail: daryapros@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

D.B. Vershinina, E.S. Burmistrova

WOMEN'S POLITICAL REPRESENTATION: THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-3-375-382

The article raises theoretical questions about the importance of women's representation in national parliaments in the context of a strategy to achieve gender parity in politics. Based on the theory of representation by H. Pitkin, the authors reflect on the role of women's representation in legislative bodies in the promotion of women-oriented politics, and draw attention to the cross-national features of women's advancement in politics. The historical outline of the evolution of women's representation in parliaments focuses on such countries as Great Britain, the USSR, Ireland, the USA, the

United Arab Emirates, etc. The authors draw attention to the concept of a "women-friendly state", formulated in the Scandinavian countries, and extrapolate it to theoretical reflections on the importance of women's representation in the parliaments of other countries. The authors demonstrate the difference between descriptive and substantive types of representation using the representation of women as an example and analyze the theory of "critical mass" that is traditionally used by researchers when talking about the representation of minority groups in politics.

Keywords: female representation, gender, gender equality, descriptive representation, substantive representation, parliamentarism.

REFERENCES

1. Mlambo, C., Kapingura, F. Factors influencing women political participation: The case of the SADC region. *Cogent Social Sciences*, 5(1). 2019.
2. New IPU report: more women in parliament and more countries with gender parity // Inter-Parliamentary Union. 3 March 2022. URL: <https://www.ipu.org/news/press-releases/2022-03/new-ipu-report-more-women-in-parliament-and-more-countries-with-gender-parity#:~:text=The%20global%20proportion%20of%20women,in%20Parliament%20in%202021%20report> (accessed 28.07.2022).
3. Gladstone W.E. *Female Suffrage: a Letter to Samuel Smith*. 1892. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uiuo.ark:/13960/t6xw4s56z&view=1up&seq=5> (accessed 28.07.2022).
4. Chikalova I. *Gendernaya problematika v politicheskoy teorii. Vvedenie v gendernye issledovaniya. Chast' 1* [Gender Issues in Political Theory. Introduction to Gender Studies. Part 1]. Kharkov; Saint Petersburg. 2001. 80 p.
5. Balanced participation of women and men in decision-making. Analytical report – 2016 data // Gender Equality Commission. 2016. URL: <https://rm.coe.int/analytical-report-data-2016-/1680751a3e> (accessed 28.07.2022).
6. Pitkin, H.F. *The concept of representation* (Vol. 75). Univ of California Press. 1967.
7. Kanter, R.M. Some effects of proportions on group life // *The gender gap in psychotherapy*. Springer, Boston, MA. 1977. Pp. 53-78.
8. Kanter, R.M. *Men and women of the corporation* New York. NY: Basic Books. 1977.
9. Dahlerup, D. From a small to a large minority: Women in Scandinavian politics. *Scandinavian Political Studies*, 11(4). 1988. Pp. 275-298.
10. Childs S., Krook M.L. Analysing women's substantive representation: From critical mass to critical actors // *Government and opposition*. 2009. 44(2). Pp. 125-145.
11. Childs S., Krook M. L. Critical mass theory and women's political representation // *Political studies*. 2008. Vol. 56, no. 3. Pp. 725-736.
12. Norris P. A gender-generation gap? // *Critical Elections: British Parties and Voters in Long-Term Perspective*. 1999. Pp. 743-58.
13. Hernes H. *Welfare state and woman power: Essays in state feminism*. Oxford University Press, USA. 1987.
14. Nachescu V. Radical feminism and the nation: History and space in the political imagination of second-wave feminism // *Journal for the Study of Radicalism*. 2009. Т. 3. . 1. Pp. 29-59.
15. Fox J. *The Langhorne Sisters*. London. Cranta Books. 1998.
16. Wolf M. Newly elected MPs must take sexual harassment course by end of year: HoC // *Global News*. 15.09.2021. URL: <https://globalnews.ca/news/8193670/sexual-harassment-course-house-of-commons/> (accessed 28.07.2022).
17. McGing C. Dealing with everyday sexism in Leinster House // *Raidió Teilifís Éireann*. 20.11. 2018. URL: <https://www.rte.ie/brainstorm/2018/1120/1012074-leinster-house/> (accessed 28.07.2022).
18. AOC slams Ted Yoho's explanation of foul-mouthed confrontation // *Youtube*. 23.07.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_dzqrdHVE2g (дата обращения 28.07.2022).
19. Goetz A.M. Paper commissioned for the EFA Global Monitoring Report 2003/4. *The Leap to Equality*. 2004.
20. Sillaste, G.G. *ZHenskie elity v Rossii i ih osobennosti* [Women's elites in Russia and their peculiarities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1994. №. 1.C. 112-121. (In Russian).
21. Molyneux M. Women's Rights and the International Context: Some Reflections on the Post-Communist States // *Millennium*. 1994. Т. 23. №. 2. Pp. 287-313.
22. Gradskova, Yu.V. «Obychnaya» sovetskaya zhenshchina-obzor opisaniy identichnosti ["Ordinary" Soviet Woman-Review of Identity Descriptions.]. Moscow, Sputnik+. 1991. (In Russian).
23. Lapina, N.Yu. Feminizaciya politicheskoy elity: izuchenie problemy v ramkah komparativnogo issledovaniya [Feminization of the political elite: exploring the problem within the framework of comparative research]. // *Pro nunc. Sovremennye politicheskie processy*. 2009. №. 1 (9). Pp. 96-125. (In Russian).
24. Hesketh, A., Williams, J.B. Public policy on gender equality in the United Arab Emirates: a critical appraisal. 2021.
25. Human Rights Watch Submission to the Committee on the Elimination of Discrimination against Women on the United Arab Emirates // *Human Rights Watch*. 04.03.2021. URL: www.hrw.org/news/2021/03/04/human-rights-watch-submission-committee-elimination-discrimination-against-women (accessed 28.07.2022).

26. Almond, G., Verba, S. *Grazhdanskaya kul'tura. Politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranah* [The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations]. Litres.2020. (In Russian).
27. Women's Participation in Politics. Joint Committee on Justice, Equality Defence and Women's Rights. Second Report. October 2009. URL: https://data.oireachtas.ie/ie/oireachtas/committee/dail/32/joint_committee_on_justice_and_equality/reports/2009/2009-11-05_women-s-participation-in-politics_en.pdf. (accessed 28.07.2022).
28. Cel' 5: Obespechenie gendernogo ravenstva i rasshirenie prav i vozmozhnostej vseh zhenshchin i devochek [Goal 5: Achieve gender equality and empower all women and girls] // UN. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality/> (дата обращения 28.07.2022).

For citation:

Vershinina D.B., Burmistrova E.S. Women's political representation: theoretical and historical aspects // *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2022. Vol. 6, iss. 3. P. 375–382. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-3-375-382> (In Russ.).

Received 10.08.2022

Burmistrova E.S., Assistant at Department of History and Archeology

E-mail: burmi-k@yandex.ru

Vershinina D.B., Candidate of History, Associate Professor at Department of History and Archaeology

E-mail: daryapros@yandex.ru

Perm State University

Bukireva st., 15, Perm, Russia, 614990